

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1533-1541
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1533

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Influence of Russian National and Economic Culture on Kalmyk Society in the 18th century: Fishing and Otkhodnichestvo

Maksim M. Batmaev ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Acculturation as a process of mutual influence of cultures, the perception by one people of all or part of the culture of another people needs further study. It is especially interesting to study the 18th century, when the Kalmyks had to change their territorial, national and surrounding ethnic environment at times. The Kalmyks, having started to become part of Russia, inevitably had to begin the gradual perception of Russian culture in all its manifestations: economic, political, social, cultural and everyday life. This perception was generally spontaneous, caused by the specific historical and political situation. The process of Kalmyk acculturation was slow, especially in the seventeenth century, so one may wonder whether there was acculturation in this period. If we answer in the affirmative, we can say that it was most of all through negative experience. The aim of the article is to show that acculturation was, and it is the same age as in the XVIII century. Comparative, systemic and functional methods were used in analysing and interpreting the material. Although the Kalmyks began to enter into some relations with the Russian population from the beginning of the XVII century, and the mentioning of them in Russian archival documents dates back even to the last third of the XVI century, the actual, physical, if we can put it this way, contact between the Russian and Kalmyk peoples falls on the XVIII century.

Keywords: Russian history, history of Kalmykia, Astrakhan province, Kalmyk life and economy, acculturation, fishery, otkhodnichestvo.

1. Введение

В связи с перестроечными явлениями в отечественной исторической науке примерно с конца 80-х гг. XX века повысился интерес к истории повседневности. В 2010 г. в России была опубликована в русском переводе работа известного германского историка Альфа Людтке «История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти» (Людтке, 2010). Общий редактор и автор предисловия С.В. Журавлев, осветив вкратце развитие нового направления в отечественной историографии, посетовал: «Основная проблема видится в том, что... в российской историографии сохраняется своеобразная «подмена понятий»: не только обыватели, но и немалая часть ученых продолжают понимать «историю повседневности» как разновидность «истории быта», а не как *новую исследовательскую программу*» (выделено С. Журавлевым – Людтке, 2010: 6).

Далее С. Журавлев отмечал, что Людтке своими работами призывает «не спрямлять углы», а обращать внимание на многовекторность реального исторического процесса. По его мнению, отследить эти крайне сложные и порою разнонаправленные факторы (или векторы) взаимного влияния в рамках связки «человек – общество – власть» возможно только через *реконструкцию повседневных практик* (Людтке, 2010: 22).

В советской историографии негласно было принято «спрямлять углы», то есть не упоминать о тех событиях, которые по тем или иным причинам считались «неудобными». Такая практика

* Corresponding author

E-mail addresses: batmaev44@mail.ru (M.M. Batmaev)

неминуемо приводила к искажению исторической правды. Историк, приступая к освещению событий прошлого, должен помнить советы Людтке.

В нашем случае, не изучая аккультурацию или процессы взаимовлияния культур и обмена культурными особенностями русских и калмыков, мы не можем в максимально доступной полноте раскрыть взаимоотношения калмыков, в первую очередь, с русским народом, а также и с другими народами, с которыми они контактировали, заимствуя что-то у них или же отвергая. В свете сказанного становится понятным, почему мы должны серьезно изучать калмыцкую аккультурацию.

В настоящей статье аккультурация калмыков в XVIII в. исследуется на примере рыболовства и отходничества.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы настоящего исследования были использованы фонды Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), а также исторические документы, отложившиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (Элиста, Российская Федерация) и содержащие сведения о социально-политических отношениях, быте, культуре кочевых народов. Эти документы являются интересными и важными источниками по аккультурации калмыков в XVIII в. и включают в себя описание хозяйств калмыцких владельцев, сведения о развитии скотоводства, земледелия, торговли, ремесел, а также рыболовстве и отходничестве.

При анализе и интерпретации материала использованы традиционные исторические методы. Историко-сравнительный метод позволил выявить общее и частное в аккультурации кочевников, описательный анализ исторических источников дал возможность раскрыть ранее неизвестные данные о повседневности и реконструировать повседневные практики у калмыков. Использование системного метода способствовало рассмотрению культуры кочевников как самостоятельной системы, вступившей во взаимодействие с окружающим пространством и другими народами. Нарративный или описательно-повествовательный метод выступил как вспомогательный и позволил собрать в единое полотно разрозненные архивные данные.

3. Обсуждение

Некоторые сведения в дореволюционное время сообщали Ф.А. Бюлер (Бюлер, 1846), К.Н. Костенков (Костенков, 1870), М.Г. Новолетов (Новолетов, 1884). В советское время сведения о рыболовстве отмечены в «Очерках истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период» (Очерки истории..., 1967), в монографии У.Э. Эрдниева (Эрдниева, 1980). Охота и рыболовство в XVII-XVIII вв. у калмыков исследуются также в работах М.М. Батмаева (Батмаев, 2002; Батмаев, 2022). В постсоветское время нужно отметить статьи В.В. Ишина и В.Е. Калгина (Ишин, Калгин, 2004), И.С. Панченко (Панченко, 2006; Панченко, 2007) и А.К. Манджиева (Манджиев, 2020). Работы В.В. Батырова также исследуют указанные вопросы, но в них больше рассматривается XIX – начало XX вв. (Батыров, 2009; Батыров, 2010).

С.В. Джунджузовым изучены имперские механизмы аккультурации на примере калмыков Среднего Поволжья и Южного Урала, начиная с 30-х гг. XVIII в. (Джунджузов, 2014). Вместе с тем в настоящей статье аккультурация рассматривается не с позиций механизмов государства, а с позиции повседневности.

4. Результаты

Для возникновения и существования аккультурации необходимо, во-первых, сравнительно тесное проживание охваченных ею двух народов (или нескольких). Во-вторых, желательность, а порой и необходимость для одного из народов заимствовать знания и достижения другого. В нашем случае заимствующими чаще становились калмыки. На это были свои причины.

В рассматриваемую эпоху калмыки являлись преимущественно кочевым народом, хотя уже шло выделение особых групп, тяготеющих к оседлости. До прихода на территорию России недостающие, то есть не производимые самими, в их быту предметы и товары калмыки заимствовали у соседей — китайцев, народов Средней Азии. По мере продвижения и поселения в Нижнем Поволжье и Северном Кавказе калмыки теряли связь со своими бывшими соседями. Теперь основным рынком сбыта скотоводческой продукции и приобретения промышленных товаров для них становилась Россия.

Калмыцкая аккультурация в России является ровесницей XVIII века. В XVII веке основная масса калмыцкого народа еще мало контактировала с русскими напрямую. В XVII веке, особенно в первой его половине, на юге европейской России были еще сравнительно свободные степные земли, поэтому калмыки продолжали полновесное кочевание. В XVII веке свободные земли быстро сокращались, поневоле сокращались и кочевья. Калмыки стали переходить к другим хозяйственным занятиям: рыболовству, найму на различные сезонные или разовые работы, а кое-где и к земледелию, но к последнему — в минимальных размерах. Разумеется, процесс этот был длительным. Рассмотреть его по возможности полнее — задача данной работы.

Для калмыков стала хорошо знакомой постоянная работа на рыболовных учугах, ватагах и станах. Они успешно применяли свои расширенные познания в этих рыболовных промыслах и

фактически стали буквально незаменимыми работниками. Калмыки познали механику работы в этих промыслах от русских и иных рыболовов, и для их нанимателей немалым преимуществом калмыцких ловцов перед другими было то, что оплата их труда обходилась рыбопромышленникам дешевле, а если к этому прибавить обшеты и прямые обманы, то картина была еще более удручающей. Давайте познакомимся поближе с реальной ситуацией для калмыков того времени в области рыболовства.

Имеющийся архивный материал убедительно показывает, что с конца XVII века в экономике калмыков стали нарастать существенные изменения. Стихийно и, на первый взгляд, незаметно в Калмыцком ханстве появился, если так можно выразиться, новый социально-хозяйственный слой людей, основным занятием которых стало рыболовство. В Джунгарии калмыки, судя по всему, занимались ловлей рыбы в минимальных размерах, да и озерно-речные водные ресурсы не располагали к этому хозяйственному занятию. Все изменилось после поселения их на новой родине. Достаточно назвать территории, занятые ими: Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, междуречье Урала и Волги, частично — Придонье. Все реки и Каспийское море буквально в то время полнились рыбой, в том числе и осетровых пород. В такой ситуации, как говорится, сам бог велел заниматься рыболовством.

Однако калмыцкое рыболовство по мере своего роста вызвало недовольство соседнего русского населения, в первую очередь, русского. Дело осложнилось после того, как правительство довольно прозрачно поддержало недовольных. В ответ в 1705 г. хан Аюка заявил, что раньше по Волге и Яику калмыки ловили свободно рыбу, а теперь это запрещено, «то де по всему знатно, что около Яику и около Волги и кочевать нам отказывают» (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). Летом 1727 г. наместник Церен-Дондук писал генерал-фельдмаршалу М.М. Голицыну, которому тогда подчинялись Калмыцкие дела, что с самого прихода «под российскую протекцию» калмыки «невозбранно волжской водой и травой, и рыбой питались». Однако в последнее время от Самары до Астрахани рыбу ловить и траву выкармливать калмыкам запрещают, а людей бьют и умерщвляют, скот отнимают (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. л. 80б.). Между тем из рапортов управляющего Калмыцкими делами полковника В.П. Беклемишева было известно, что рыбные ловли у калмыков «невеликие» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 130б.).

Преемник Церен-Дондука на посту наместника ханства Дондук-Омбо в такой же тональности писал 5 сентября 1739 г. царицынскому коменданту П.Ф. Кольцову. По его свидетельству, «скудным и убогим людям нашим от Астрахани вверх даже до Царицына по Волге, Ахтубе и по прочим рекам рыбу ловить и в лодках с неводами ездить запрещают. Также и близ рек по берегам сидящих кибитками людей наших русские люди много побили» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 115. Л. 22).

Стати о лодках: из-за них также возникли споры между русской администрацией и калмыцкими управителями. В ходе их улаживания астраханскому губернатору И.А. Брылкину был послан указ из Государственной коллегии иностранных дел от 17 марта 1748 г. В нем говорилось, что наместник Дондук-Даши просил И.А. Брылкина и управляющего Калмыцкими делами полковника Н.Г. Спицына определить размеры лодок, которыми будут пользоваться калмыки. При этом наместник жаловался, что разъездные по Волге казаки колют у находящихся при рыбных ватагах калмыков лодки длиной в три и в две с половиной сажени.

Калмыки же берут лодки в долг у русских рыбаков, а последние требуют оплатить стоимость разбитых лодок. В конечном счете, это приводит к разорению арендаторов лодок. Поэтому Н.Г. Спицын и наместник постановили пользоваться калмыцким рыбакам лодками «по борту без четверти трехсаженными», а сверх этой меры лодки калмыкам ни на какие потребности не давать и продавать. Однако позже по указу И.А. Брылкина Н.Г. Спицын воздержался от назначения лодкам определенной меры (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 231. Л. 94).

Указом 17 марта 1748 г. «повелевалось»: 1) по совету с наместником постановить небольшую меру, то есть размер лодок, в которых бедные калмыки будут ловить рыбу для собственного пропитания, а также переезжать с кибитками с места на место; 2) установленный размер лодок был такой, чтоб их на четыре и на шесть весел нельзя было расшивать, и в них многолюдством нельзя было ездить на разбой; если после указа явятся лодки большего размера, то их отбирать и употреблять на казенные нужды; 3) публиковать по городам Астраханской губернии и по рыбным ватагам, чтоб под опасением тяжкого штрафа калмыкам без ведома российской администрации лодок не продавали и в долг не давали. Пункт четвертый регулировал порядок продажи лодок калмыкам (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 231. Л. 95–96).

Завершая, остается отметить, что местная администрация в определенной мере ущемляла интересы калмыков: им разрешалось иметь только двухвесельные лодки, а не четырех-, шести- и т. д. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 207. Л. 421). В это же время Дондук-Даши считал, что лодок у калмыков около 5-6 тысяч, не уточняя количество их весел (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 211. Л. 106). В дальнейшем вплоть до конца XVIII века, несмотря на некоторые дополнительные меры, положение в области калмыцкого рыболовства существенно не менялось.

Значение рыболовства для калмыков постоянно возрастало, и они все чаще вступали в конфликты с местным населением. Вместе с тем часть калмыков, в первую очередь, обедневших, находили на рыбных промыслах и работу, и питание, и приют. Эти люди были двух категорий: первые индивидуально ловили рыбу для собственного пропитания, а излишнюю продавали; вторые

нанимались индивидуально или артелью для работы на частных (в основном у нижеволжских купцов) учугах, ватагах и промыслах. К началу XVIII в. среди калмыков появились люди, которые с малолетства были связаны с рыболовством. Например, один из таковых, пожелавший креститься, в допросе объявил, что ему 35 лет, а живет «с самого малолетства при протчих калмыках близ моря, астраханского Спасова монастыря при учуге, имянуемом Чурке, по найму у астраханского купца Василья Варварова» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 363. Л. 44). Некто Болот показывал, что он «за скудостью своей жил на Волге на Долгом острове на одной рыбной ватаге при русских людях для пропитания своего лет с восьми»; дело происходило в 1732 г. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 49. Л. 250).

По мере возрастания значения рыболовства и для калмыков, и для русских возникали различные споры и столкновения между заинтересованными сторонами, а также поиски путей выхода из сложившихся ситуаций. В частности, калмыкам разрешалось ловить только в определенных местах на пропитание, а продавать излишнюю рыбу только своим, а в города для продажи не возить. На этом Дондук-Даши ответил, что ныне калмыки (в 1742 г.) весьма оскудели и если «бесконным» рыбу продавать запретить, то они на хлеб и одежду нигде кроме того достать деньги не смогут, а будут «с великим вредом продавать за границу детей или заниматься грабежом» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 154. Л. 33а).

На предложение В.Н. Татищева, чтобы калмыки нанимались на различные работы к россиянам и тем поправляли себе положение, наместник ответил, что «скудных» (то есть обедневших) так много (только около Астрахани бескотных — около 10 000 кибиток), что всем наняться негде (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 154. Л. 33а). Наместник, недовольный правилами В.Н. Татищева о ловле рыбы, которые ограничивались мелкими и сомовыми удочками, сетями и неводами до 40, эмоционально заявил: «Когда по Волге земля, вода, трава и лес к русским принадлежит, то подданными ея императорского величества нашим калмыкам чрез какой способ поправиться, я не знаю» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 154. Л. 37).

Несмотря на меры, принимаемые российской администрацией, продолжали поступать сведения, что калмыки самовольно ловят рыбу в казенных протоках и морских горловинах, «отчего чинится немалое помешательство». В марте 1741 г. была послана грамота с запрещением калмыкам кочевать у казенных проток и морских горловин и ловить там рыбу (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 8, 18). Можно было ловить лишь в свободных водах, что же касается отвода калмыкам особых мест для ловли, как предлагала Камер-коллегия, то в указе Государственной Коллегии иностранных дел говорилось, что этого делать нельзя. Дело в том, что калмыки кочуют от устья Волги до Самары, и если во всех местах отводить им специальные водные пространства, то российским рыбакам в лове рыбы будет большое утеснение.

Может быть, только для таких калмыцких групп, которые всегда кочуют поблизости Астрахани, «по усмотрению вашему можно будет назначить «особливые воды», да и те от времени до времени другими переменять, дабы чрез долгое время не пришло им во обычей тех одних вод своими называть, и в том по их легкомыслию докучные запросы чинить». Тут же, то есть в указе, астраханскому губернатору М.М. Голицыну «накрепко подтверждается», чтобы в свободных водах калмыки всегда, «а паче при нынешней их скудости», рыбу ловили и от русских людей без причины «возбраяемы не были» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 19–20).

Постепенно в XVIII веке все больше стала проявляться тенденция к сближению интересов отдельных групп и представителей русского и калмыцкого населения. Порою возникали ситуации, когда негативное развитие определенного процесса у русских било по интересам калмыков, а это и было проявлением аккультурационных явлений.

Так, например, Н.Г. Спицын письменно объявлял Дондук-Даши 10 июня 1750 г.: оповещает астраханская рыбная контора, что кочевавший при Камызякском учуге зайсанг Бату откочевал со своим аймаком тайно «вверх», то есть на север, а оставшиеся зайсанги Бирба и Шарап с небольшим числом кибиток, хотя там (на прежнем месте) кочевать и желают, но опасаются контролирующих бодокчеев, а если от своих главных владельцев разрешение получают, то кочевать при учуге будут и «противу силы своей (по силе возможности — М.Б.) в работу людей давать будут». В лове снастями рыбы «вящая остановка последовала», поэтому контора требовала калмыков от казенных учугов не отлучать и Бату с аймаком к учугу возвратит (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 244. Л. 95).

Эркетеневский зайсанг Бааранг по данному еще от Дондук-Даши письму по бедности его аймака имел разрешение быть в летнее время на нагорной стороне Волги. Аймачные его люди, которые могли кочевать со скотом, перешли на луговую сторону, а зайсанг с бедняками остался на нагорной стороне. Сам он болел, а почти все его люди находились в подраде рыбной ловли у ватажных промышленников и имели немалые задаточные суммы. Поэтому их нельзя было отрывать от нынешнего местопребывания, чтобы те деньги не могли пропасть напрасно, и из того «ватажные промышленники» не могли понести большие убытки. А. Бехтеев, управитель Калмыцких дел, просил Убаши оставить его и ныне, в 1756 г., на нагорной стороне. Убаши, в пику А. Бехтееву, приказал своему посланцу Намки Ракбе гнать на левобережье Волги и тех людей, которые находятся при пастьбе русского скота пастухами, но А. Бехтеев это запретил, так как «скот у русских без пастухов может распротать» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 221).

При кочующих на рыбных станах и ватагах калмыках был определен для контроля за ними зайсанг, без ведома которого русским нельзя было нанимать калмыков. Это правило нарушалось. По этому поводу зайсанг Бааранг обратился с жалобой к Калмыцким делам. Н. Спицын объявил всем приказчикам и ловцам ватаг и станом, чтобы без ведома зайсанга калмыков в работу не нанимали (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 326. Л. 237–238). Или, например, обнаружилось у калмыков, живущих при рыбных ватагах, множество неучтенных больших лодок. Приказчики тех ватаг говорили, что те лодки — ловецкие и даны им для ловли рыбы, поэтому их колоть нельзя. Чтобы знать точно принадлежность лодки, указано «на всех рыбных станах и ватагах у русских людей ловецкие лодки клеймить» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 219. Л. 100).

Уже после ухода большей части калмыков в Джунгарию нойон Замьян, по свидетельству астраханской купеческой рыбной конторы, из вошедших к нему в опись после беглых владельцев людей, состоящих в подряде у той конторы и у астраханских купцов, принуждает, оставя рыбные промыслы, от ватаг и учугов выкочевать в степь. Между тем эти калмыки находятся в подряде по письменным договорам, и за ними числится много забранных в задаток денег. К тому же наступает удобное время для лова, и если его пропустить, то «в промыслах всего здешнего купечества последует великой подрыв и крайнее как купцам, так и самим калмыкам во взыскании с них недоловных денег разорение». Губернатор Н.А. Бекетов приказал писать к Замьяну, Яндыку и А. Дондукову, чтобы таких должников с тех мест не выгоняли, а оставили до тех пор, пока они не расплатятся с взятыми в долг под лов рыбы деньгами (НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 23. Л. 321).

Между тем приближались грозные события, имевшие судьбоносный характер. Как бы преддверием их явилась незаметная особая встреча наместника Убаши с руководителем Калмыцких дел И.А. Кишенским. Наместник выразил крайнее неудовольствие решением возникающих вопросов и проблем. Раньше дела между русскими и калмыками разбирались определенными при Калмыцких делах управителями. Теперь же принуждают его и прочих владельцев по разным их просьбам разбираться в городских канцеляриях, для чего и направлять в эти канцелярии истцов-калмыков. Наместник категорически отказался так делать, представив две причины. Первую — наивную: раньше так не было. Вторую — серьезную и аргументированную: посланные до этого по истцовым делам в Саратов, Царицын, Дмитриевск никакого удовлетворения не получили и, немало пробыв там, с крайним разорением возвратились.

Кишенской в рапорте в Коллегию иностранных дел от 19 октября 1767 г. заметил: «и в самом деле истцы калмыки ни по одному своему своему удовольствия получить не могут, а единственно делается время от времени одна проволочка, как то в Дмитриевской комендантской канцелярии ныне тому другой год по двум делам, ... и по другим многим калмыцким жалобам поныне еще следствия не окончены» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 388. Л. 152–153). До массового ухода оставалось три с небольшим года.

В XVIII веке, особенно во второй его половине, расширились со стороны калмыков работы по найму. Нанимались по одному и целыми семьями. Ниже дается большая сводка архивных материалов о найме калмыков на различные работы за определенный период времени. К сводке не нужно давать много комментариев: материал говорит сам за себя.

1 октября 1750 г. калмык Лекшит подал Н.Г. Спицыну жалобу, что в 1748 г. астраханский купец Курочкин нанял в работу 600 человек до Нижнего Новгорода и до Макарьевской ярмарки, которым недодано 443 рубля 60 копеек. В том же году астраханский купец Д. Деянов нанял в работу до Казани 150 человек, которым не отдал 15 кож коровьих, которых коров покупали работники на собственные деньги. В 1749 г. тот же Курочкин нанял в работу к неводу на год 9 человек, недодал 18 рублей. Купец астраханский Самарцов нанял к неводу на год 17 человек, не отдает им 68 рублей. Некий Я. Анофриев нанял для рыбной ловли 18 человек на 13 месяцев, не отдает им 93 рубля 35 копеек. Надо напомнить, что везде речь идет о калмыках. Он же, Лекшит, 12 октября объявил Н. Спицыну, что с него требуют долги астраханские купцы: Л. Иванов — 30 рублей и И. Лошкарев — 40 рублей. Ему же, Лекшиту, должен астраханский посадский человек И.Ф. Арчаков 64 рубля 80 копеек. Лекшит просил, чтобы Арчаков расплатился за него с купцами, а остальные 5 рублей 20 копеек он отдаст от себя. Остается сказать, что Лекшит был «при астраханских калмыках бодокчей». Иски были справедливы, и калмыки были «удовольствованы» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 243. Л. 81–83, 85).

13 октября 1750 г. Н. Спицыну жаловался Шабинерова улуса Зууши, что они, 18 калмыков, нанялись для рыбной ловли к купцу А. Курочкину и получили в задаток каждый по 5 рублей. Однако судья, поручик Григорьев, у Курочкина их отнял, объявив, что им «без его и бодокчеева ведома наниматься не положено». Курочкин попросил наместника возвратить нанявшихся, на что тот дал согласие. Однако из них вернулись к работе у Курочкина 9 человек, из которых двое крестились, а третий умер. Курочкин же за них деньги задаточные требовал с оставшихся калмыков, в залог возврата денег отнял у Зууши жену и трехлетнюю девочку и не отдал заработанные ими 18 рублей (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 243. Л. 84).

Из письма астраханского губернатора И.А. Брылкина к Дондук-Даши от 5 января 1751 г. узнаем, что тот же Курочкин нанял в работу до Нижнего Новгорода и до Макарьевской ярмарки 600 человек и не додал при расчете 443 рубля 60 копеек, а старшине их — 5 рублей. Приказчики же Курочкина утверждали, что все выдали сполна. Во время разборки дела выяснилось, что по пути вместо больных

и умерших нанимались другие работники. Разницу ушлые приказчики клали в свой карман (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 258. Л. 19).

Некто Даржа аймака зайсанга Ибана владения наместника Убаши имел кочевье с прочими калмыками ниже Енотаевска на Пещанском острове, с которого по его бедности, приходя на Митинскую ватагу, нанимался у ее жителей пасти «рогатую скотину помесячно» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 337. Л. 14). Н. Спицын оповещал Дондук-Даши 23 июня 1751 г., что работающие в Енотаевске калмыки (около 200 человек) получают по 60 копеек с каждой сажени вырытой земли, и «работают вольным наймом, не по подряду» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 254. Л. 111–112).

Н. Спицын писал 2 августа 1756 г. купцу Ф.И. Кобякову: «знатный наместников зайсанг Доржи-Гецоль жаловался, что его аймака 45 человек нанялись у вас на 3-х судах для рубки дров и поставки их на Селитренный Ахтубинский завод. По окончании работ вы не отдали за работу 120 рублей, придравшись к тому, что с судов были потеряны 3 якоря, хотя в договоре утверждено, что если с тех судов что-то пропадет, то с них не взыскивать. Кроме того, поставленные ими дрова принимаете вы у них по сажени против договорной меры и настоящей казенной сажени со излишеством» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 288. Л. 319).

Попадают в материалах и не совсем привычные сведения. Так, в одном документе зафиксировано, что Жакба Абданов имеет кочевье около Красного Яра в степи «своею кибиткою, и находится в пастьбе скотского табуна у красноярского купца Я. Вакурова лет уже с тридцать без всякой платы». Свидетельство относится к 1763 г. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 351. Л. 46). Встречаются упоминания о калмыках, достигших для того времени почетного положения. Так, например, в июле 1755 г. в Астраханскую губернскую канцелярию поступило прошение красноярского посадского человека Алексея Андриановича Ганюшкина. В нем говорилось следующее: «Имеюсь я, именованы, в красноярском купечестве из калмыцкой природы, и по той моей природе» умеет говорить по-калмыцки, переводить «и несколько калмыцкую грамоту (то есть письменность — М. Б.) знает». Просит назначить толмачом в Красном Яру (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 282. Л. 174).

Из живущих при Царицыне калмыков 100 человек были наняты для доставления волоком судна с солью в Дмитриевск. Дондук-Даши с возмущением оповещал российские власти, что приказчик недодал им заработанные деньги, не нанял дополнительное количество обещанных русских людей, отчего работа сверх меры была тяжелой. Не кормил их, как договаривались при найме, поэтому питались дополнительно на свои деньги. Например, кормил тухлыми осетрами. В Дмитриевске при выгрузке соли кормил «только одними штыями (щами — М. Б.) пустыми». Калмыки жаловались в Дмитриевске коменданту, в Дубовке — атаману волжских казаков. Те велели приказчику сделать как нужно, но тот не реагировал и поступал по-своему (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 194. Л. 41).

22 июня черноморскому посадскому человеку В. Пасторову дано охранное письмо от А. Бехтеева, руководителя Калмыцких дел в том, что имеет он свой рыбный промысел и для частичковой рыбы садок (типа бассейна) ниже Черного Яра на Мартыновском острове. Лов рыбы производят для него живущие на том острове Икицохурова улуса калмыки в двадцати кибитках. Для своих лошадей косит Пасторов наемными рабочими на том острове до 15 стогов сена. Поэтому всякого звания калмыкам «накрепчайше» подтверждалось не наносить Пасторову в его промысле «никакого помешательства», накошенное сено не травить скотом и ловящим ему рыбу рыбакам никаких обид не причинять (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 432–433).

Четыре калмыка нанялись в астраханские казенные сады разнорабочими: грузить расшивы (вид грузового судна) рыбой и идти с ней вверх по городам. Нанялись с 14 февраля 1761 г. по то время, как лед станет, а если лед не станет, то до Николина дня. Поручкой за них — бодокчей Генден Раши. Составили договор на калмыцком и русском языках. Нанялись три калмыка к астраханскому купцу А. Скорнякову на всякую домовую, огородную и ватажную работу, что будет указывать купец (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 335. Л. 1–2).

Двенадцать калмыков нанялись к астраханскому разночинцу И.М. Портнову тянуть невод на Калпачинской ватаге, а также исполнять всякую дворовую работу на срок от первого июня по день Николя Чудотворца за 14 рублей. В задаток взято ими по семь рублей. Если кто из них заболит и через семь дней не выздоровеет, тому сделать расчет и освободить, а хозяину нанять другого. Также поступать в случае смерти нанявшегося. Хлеб и другие продукты употреблять им хозяйский. Если кто из бежит до срока, то оставшиеся обязуются во время расчета заплатить за того беглеца, что за ним причтется. Обязуются не пить хмельного, не воровать, воров не подзывать, в карты и в зернь не играть. Четверо поручаются друг за друга, плюс поручается бодокчей (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 335. Л. 3).

«19 калмыков нанялись к астраханскому купцу, шелковой и бумажной фабрик содержателю, П. Иванову, чтоб ловить им в его откупных водах 20-ю лодками белугу, осетра, шевригу, сома и сазана, и сколько будет в улове рыбу, всю ее отдавать Иванову или его приказчикам. Рыбу сдавать свежую, не гнилую и не подпухлую с тешами и нутрами. Белугу осеннего и весеннего залава покупать по 16 копеек за каждую рыбу; осетра по 14 рублей за сотню; за сто севрюг — три рубля. За матерую белугу платить как за две мерные рыбы; сома отдавать на меру в семь четвертей с половиной, кроме башки, по 5 рублей за сотню; сазана отдавать в 12 вершков, а ниже до 10 два за один по 6 рублей 50 копеек за тысячу штук. Начать ловить с осени 1761 г. как плавня начнется, а в 1762 г. с начала

весны до Ильина дня. Взяли наперед у хозяина на каждую лодку по 15 рублей, а всего 300 рублей. Отдавать всю рыбу без утайки, а если с улова кто-нибудь из них будет рыбу на сторону продавать или по дружбе без денег отдавать, то хозяину со всех ловцов взять за каждую рыбу по 5 рублей без всяких отговорок. Если кто, будучи в той работе, учинит какую-нибудь продерзость, вольно ему, хозяину или приказчику его наказывать, смотря по вине. Если кто умрет или сбежит, то им вместо тех всем нанять из артели то же число и ловить согласно этого договора всеми лодками неотменно. Все обязались круговой порукой плюс бодокчей» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 335. Л. 4–5).

Некоторые калмыки нанимались ловить рыбу на своих собственных лодках и своими снастями в откупных водах астраханской компанейской рыбной конторы. Иногда вошедшие под начало этой конторы калмыки разделялись на артели, во главе которых были атаманы. Несколько артелей остались должны с прошлых годов по 200 и более рублей. Потому они обязуются в 1761 и 1762 гг. ловить рыбу в счет задатка и прошлого долга, и если все погасят, тогда уже начать брать деньги с уловной рыбы (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 335. Л. 10, 13, 17–19).

Практиковался у калмыков в XVIII в. отпуск из улусов «для прокормления». Вот, например, дает показания ведомства хана Дондук-Омбы улуса Малых цохуров Чиодыр Тумиров: «вышел я из того улусу тому ныне четвертой год с позволения оногo хана с калмыком же Ганлопом, с письмом от оногo хана в тринадцати кибитках для прокормления в российские города» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 166). Могли выходить и с позволения своих зайсангов (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 225). Вместе с тем чрезмерный рост отходников и увеличение времени их отсутствия вызывали беспокойство владельцев и самого наместника.

Об этом он прямо высказался в письме к И. Брылкину от 14 августа 1752 г. «Как для искоренения воровства (т. е. преступлений — М.Б.), так и потому, что владельцам и зайсангам для сбора податей и выполнения других потребностей, удобнее своих людей держать при себе. Поэтому я велел всех живущих при городах, ватагах и учугах наших людей вернуть в улусы. Однако ваши русские таких людей моим посланцам не отдают, якобы потому, что они в работе. Чтобы владельцы своих людей не могли забрать, да еще и докладывать, для чего они их требуют — где у каких народов бывает? Для работы погодно и помесечно с запискою быть дозволено, но чтоб жен и детей, удерживая, не отдавать, и кого такое обыкновение есть? Прикажите людей отдать, а кто пожелает быть в работе в год или в месяц, таковых чтоб нанимали с запискою, а чтоб, не отработав, не убежали, брать за них поруки у бодокчеев» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 265. Л. 17).

Иногда такие люди группировались в большие артели. К сожалению, необходимо отметить, что такие наймы и работы оканчивались приводимым ниже финалом. Люди зайсанга Махали в 60-х гг. ловили по подряду рыбу на ватаге купца Скворцова 10 лет на восьми лодках, но на них были недоловные деньги (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 339. Л. 522).

5. Заключение

Подведем некоторые итоги. В XVIII веке калмыки уже хорошо освоили степные просторы Нижнего Поволжья и Предкавказья. Они продолжали оставаться в основной своей массе кочевыми скотоводами. В политико-культурном отношении они пережили процесс аккультурации. Успешному освоению методов хозяйствования способствовало их проживание по соседству с русскими. Последние заимствовали у степняков некоторые специальные способы ухода за скотом. Вместе с тем необходимо сказать, что калмыки в рассматриваемое время еще крепко держались за привычный и хорошо освоенный образ жизни.

Одними из видов экономической деятельности, где аккультурация происходила быстрыми темпами, были рыболовство и отходничество (работы по найму, заработки). Рыболовство стало развиваться у калмыков исходя из природных условий, прежде всего, реки Волги и Каспийского моря. Появляется новый социальный слой людей, для которых рыболовство становится основным занятием. Экономическое значение рыболовства постоянно возрастало, это нередко приводило к конфликтам с русским населением. Также сказывалась на первых этапах ограничительная политика местных властей. Часть обедневших калмыков находила в данном занятии основной вид пропитания и заработка, что способствовало развитию отходничества, найма на работы на частных промыслах индивидуально или артелью.

Одна из важных особенностей XVIII в. в истории калмыцкого народа заключается в том, что в это время происходит разделение калмыков в хозяйственно-бытовом отношении на три части: 1) продолжающие чисто кочевую жизнь; 2) перешедшие на полукочевую жизнь; 3) оседлые. Аккультурация происходила во всех трех названных частях, но шла довольно медленно. Она была односторонней — от русских к калмыкам, захватывая преимущественно производственно-бытовые сферы.

Зато большие успехи в XVIII в. выпадали на долю привлечения калмыков к выполнению различных работ. Особенно впечатляет широкое развитие в среде недавних кочевых скотоводов отходничества. Обнищание больших масс простолюдинов заставляло их в одиночку или даже целыми семьями искать заработка на стороне.

Таким образом, именно в XVIII в. аккультурационные процессы начинают влиять на калмыцкое население. Зачастую данный опыт был негативным с социально-экономической точки зрения. Однако в плане культурного влияния он представлял собой и положительный аспект взаимодействия с другими народами.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Литература

- Батмаев, 2002** — *Батмаев М.М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
- Батмаев, 2022** — *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII вв.: События, люди, быт. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2022. 440 с.
- Батыров, 2009** — *Батыров В.В.* Хозяйственные занятия калмыков и торговля в калмыцких улусах / История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. С. 559–571.
- Батыров, 2010** — *Батыров В.В.* Рыболовный промысел. Отходничество. Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 105–111.
- Бюлер, 1846** — *Бюлер Ф.А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // *Отечественные записки*. СПб., 1846. Т. 47. № 7–8; 10–11.
- Джунджужов, 2014** — *Джунджужов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII - первая четверть XX века). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 434 с.
- Ишин, Калгин, 2004** — *Ишин В.В., Калгин В.Е.* Рыбный промысел в Астраханском крае в конце XVII — первой половине XVIII вв. / *Исторические судьбы России в научном наследии В.Н. Татищева*. Материалы международной конференции, Астрахань, 14–16 октября 2004 г. / Под ред. В.В. Ишина, И.В. Торопицына. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. С. 80–84.
- Костенков, 1870** — *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. С-Пб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
- Людтке, 2010** — *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 268 с.
- Манджиев, 2010** — *Манджиев А.К.* К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период // *Монголоведение*. 2020. Т. 12. № 2. С. 232–243.
- НА РК** — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Новолетов, 1884** — *Новолетов М.Г.* Калмыки. Исторический очерк. С-Пб.: Изд. владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. 79 с.
- Очерки истории..., 1967** — *Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период*. М.: Наука, 1967. 480 с.
- Панченко, 2006** — *Панченко И.С.* Развитие калмыцкого рыболовства в 40-е гг. XVIII в. // *Востоковедные исследования в Калмыкии*. Вып. 1. Элиста: КалмГУ, 2006. С. 35–40.
- Панченко, 2007** — *Панченко И.С.* Политика России и экономическое развитие Калмыкии в первой половине XVIII в. // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2007. № 4–3 (56). С. 253–256.
- РГАДА** — Российский государственный архив древних актов.
- Эрдниева, 1980** — *Эрдниева У.Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Изд. 2-е. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 284 с.

References

- Batmaev, 2002** — *Batmaev, M.M.* (2002). *Sotsial'no-politicheskiy stroy i khozyaystvo kalmykov v XVII-XVIII vv.* [Socio-political system and economy of the Kalmyks in the XVII-XVIII centuries]. Elista: APP "Dzhangar", 400 p. [in Russian]
- Batmaev, 2022** — *Batmaev, M.M.* (2022). *Kalmyki v XVII-XVIII vv.: Sobytiya, lyudi, byt* [Kalmyks in the XVII-XVIII centuries: Events, people, life]. Elista: Kalmytskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. 440 p. [in Russian]
- Batyrov, 2009** — *Batyrov, V.V.* (2009). *Khozyaystvennyye zanyatiya kalmykov i trgovlya v kalmytskikh ulusakh* [Economic occupations of Kalmyks and trade in Kalmyk uluses]. *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. V 3 t. Elista: Gerel, 2009. T. 1. Pp. 559–571. [in Russian]
- Batyrov, 2010** — *Batyrov, V.V.* (2010). *Rybolovnyy promysel. Otkhodnichestvo* [Fishery. Otkhodnichestvo]. Kalmyks. M.: Nauka. Pp. 105–111. [in Russian]
- Byuler, 1846** — *Byuler, F.A.* (1846). *Kochuyushchiye i osedlo zhivushchiye v Astrakhanskoy gubernii inorodtsy* [Nomadic and settled foreigners living in Astrakhan province]. *Otechestvennyye zapiski*. SPb. T. 47. № 7–8; 10–11. [in Russian]

- Dzhunzhuzov, 2014** — *Dzhunzhuzov, S.V.* (2014). Kalmyki v Srednem Povolzh'ye i na Yuzhnom Urale: imperskiye mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoy identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII - pervaya chetvert' XX veka) [Kalmyks in the Middle Volga region and the Southern Urals: imperial mechanisms of acculturation and the problem of preserving ethnic identity (mid-30s of the XVIII - the first quarter of the XX century)]. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU, 434 p. [in Russian]
- Erdniev, 1980** — *Erdniev, U.E.* (1980). Kalmyki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki [Kalmyks. Historical and ethnographic sketches]. Izd. 2-e. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 284 p. [in Russian]
- Ocherki istorii..., 1967** — Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabr'skiy period [Essays of the History of the Kalmyk ASSR. Pre-October period]. M.: Nauka, 1967. 480 p. [in Russian]
- Ishin, Kalgin, 2004** — *Ishin, V.V., Kalgin, V.E.* (2004). Rybnyy promysel v Astrakhanskom kraye v kontse XVII — pervoy polovine XVIII vv. [Fish fishery in the Astrakhan region at the end of the XVII - first half of the XVIII centuries]. *Istoricheskie sud'by Rossii v nauchnom nasledii V.N. Tatishcheva. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Astrakhan', 14–16 oktyabrya 2004 g.* Pp. 80-84. [in Russian]
- Kostenkov, 1870** — *Kostenkov, K.I.* (1870). Istoricheskiye i statisticheskiye svedeniya o kalmykakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoj gubernii [Historical and statistical information about the Kalmyks, nomadic in Astrakhan province]. SPb.: Ministry of State Property, 171 p. [in Russian]
- Lüdtke, 2010** — *Lüdtke, A.* (2010). Istoriya povsednevnykh zhizni v Germanii: novyye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti [History of everyday life in Germany: new approaches to the study of labour, war and power]. M., ROSSPAN, 268 p. [in Russian]
- Mandzhiev, 2020** — *Mandzhiev, A.K.* (2020). K voprosu o razvitii rybolovstva u kalmykov v dorevoljutsionnyy period [To the question of the development of fishing among the Kalmyks in the pre-revolutionary period]. *Mongolovedenie.* 12(2): 232-243. [in Russian]
- NA RK** — Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Novoletov, 1884** — *Novoletov, M.G.* (1884). Kalmyki. Istoricheskiy ocherk [Kalmyks. Historical sketch]. St. Petersburg: Izd. of the owner of Maloderbetovskiy ulus noyon Tseren-David Tundutov, 79 p. [in Russian]
- Panchenko, 2006** — *Panchenko, I.S.* (2006). Razvitiye kalmytskogo rybolovstva v 40-ye gg. XVIII v. [Development of Kalmyk fishery in the 40s of the XVIII century]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii.* Vyp. 1. Elista: Kalmyk State University. Pp. 35-40. [in Russian]
- Panchenko, 2007** — *Panchenko, I.S.* (2007). Politika Rossii i ekonomicheskoye razvitiye Kalmykii v pervoy polovine XVIII v. [Russian policy and economic development of Kalmykia in the first half of the XVIII century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo un-sta.* 4-3 (56): 253-256. [in Russian]
- RGADA** — Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Влияние русской бытовой и экономической культуры на калмыцкое общество в XVIII веке: рыболовство и отходничество

Максим Манчиевич Батмаев ^{a,*}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. Аккультурация, как процесс взаимовлияния культур, восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа, нуждается в дальнейшем изучении. Особенно интересно изучение XVIII века, когда калмыкам приходилось временами менять территориально-бытовую и окружающую этническую обстановку. Калмыки, начав вхождение в состав России, неминуемо должны были начать также и постепенное восприятие русской культуры во всех ее проявлениях: экономических, политических, социальных, собственно культурных и бытовых. Восприятие это в целом носило стихийный характер, вызываемый конкретной историко-политической обстановкой. Процесс калмыцкой аккультурации шел медленно, особенно это касается XVII века. Так что можно задаться вопросом: а была ли она в этот период? Если и ответить утвердительно, то можно сказать, что шла она более всего через негативный опыт. Цель статьи — показать, что аккультурация была, и она — ровесница XVIII века. При анализе и интерпретации материала использованы сравнительный, системный и функциональный методы. Хотя калмыки начали входить в те или иные отношения с российским населением с начала XVII в., а упоминание о них в русских архивных документах относится даже к последней трети XVI в., действительное, физическое, если можно так выразиться, соприкосновение русского и калмыцкого народов приходится на XVIII в.

Ключевые слова: история России, история Калмыкии, Астраханская губерния, быт и хозяйство калмыков, аккультурация, рыболовство, отходничество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: batmaev44@mail.ru (М.М. Батмаев)